

УДК 811.161.1'28 (075.8)
DOI 10.17223/19986645/37/2

А.Г. Антипов

ФОРМАНТНАЯ ПОДСИСТЕМА ДЕРИВАЦИОННОЙ МОРФЕМИКИ РУССКИХ ГОВОРОВ В МОРФОНОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье решаются задачи морфонологического описания формантной подсистемы деривационной морфемии русских говоров, определяются особенности семантического функционирования русских формантов сложной морфонологической структуры как объект сопоставительной диалектологии русского языка. Предлагается функциональное описание формантной подсистемы в динамическом морфонологическом аспекте, связанное с моделированием формально-семантической вариантности суперморфемных единиц диалектного словообразования.

Ключевые слова: деривационная морфемика, диалектная морфонология, формантная подсистема, морфонологическая вариативность, суперморфемные форманты.

Функционирование системы русского диалектного словообразования как объект разноаспектного описания структурно-семантических особенностей производных слов позволяет моделировать подсистемы диалектного словообразования, морфемии и морфонологии (ср., например: [1–4]). В задачи данной статьи входит рассмотрение вопроса о функционировании формантной подсистемы деривационной морфемии русских говоров в аспекте её морфонологической структуры.

Современный контекст морфонологического описания формантной подсистемы связан с когнитивными экспериментами – созданием представлений о том, каким образом информация о формальных сдвигах становится востребованной в системе конструирования значения и имеются ли категориальные основания для функционального описания морфонологических моделей в системе средств языковой репрезентации. Две линии системного описания, используемые в диалектной морфонологии, развивают идеи функционального словообразования и когнитивной семантики, интегрируют морфонологические объекты в ракурсе мотивационно-деривационных функций и когнитивного моделирования [5].

Функционирование морфонологических моделей русских диалектных формантов обусловлено динамическими факторами синтагматических и парадигматических изменений посткорневой части фонологической структуры производных лексем. В этой области явлений морфемного шва реализуются процессы формального (синтагматического) взаимодействия словообразовательных морфем, отражающие специфику семантического (парадигматического) функционирования морфонологических единиц словообразовательной формы дериватов.

Системное морфонологическое описание формантной подсистемы русских говоров предполагает анализ формальной динамики структуры форман-

та, связанной с изменением характера морфемной членимости и словообразовательной мотивированности слова. Поэтому рассмотрение морфонологических моделей формантов, их функций в морфемной подсистеме русских говоров раскрывает специфику уровневого строения диалектных дериватов, системные функции морфонологических структур в номинативно-деривационном аспекте, парадигматические изменения словообразовательных морфем, влияющие на категориальное функционирование словообразовательных моделей.

Формантные модели деривации слова в русском диалектном словообразовании определяются нами в качестве особых схем морфонологической вариативности, имеющих алломорфную природу, функционирующих по образцу редупликационных моделей и выступающих в качестве парадигматического фактора таксономической организации словообразовательной системы [3, 6]. Семантическое функционирование морфонологических вариантов формантов и значение морфонологической формы форманта выступают в функции дополнительного маркера морфемной членимости и словообразовательной мотивированности дериватов. Морфонологические переменные формантов трактуются в качестве компонентов их внутренних форм.

Семантические функции вариантных морфонологических форм форманта направлены на снижение правил фузионного словообразования (регулярность функционирования морфонологических позиций замещается морфемно-словообразовательным и семантическим распределением). Морфонологический аналитизм проявляется в формировании в системе диалектных словообразовательных моделей формантных подсистем, оформленных формантными вариантами с большим формально-семантическим диапазоном по сравнению с единицами подсистем литературного словообразования (о составе, значениях и продуктивности единиц формантной подсистемы диалектных дериватов с суф. *-ник*, включающей на эталоне уровне русских говоров более 60 формантных варианта, см. в кн.: [3. С. 60–66]). На микродиалектном уровне формантные подсистемы сужаются, но структурно-семантические и функциональные признаки морфонологических вариантов остаются более выразительными. Так, в словообразовательной системе кемеровского говора нами зафиксированы четырёхфонемные (*-а/ник*, *-е/ник*, *-и/ник*, *-й/ник*: *картофл-я/ник*, *кедр-е/ник*, *грабель-и/ник*, *кофе-й/ник*), пятифонемные (*-ат/ник*, *-ар/ник*, *-ов/ник*, *-ав/ник*, *-аж/ник*, *-аль/ник*, *-ан/ник*, *-ин/ник*, *-иш/ник*, *-ев/ник*, *-ель/ник*, *-ен/ник*, *-ет/ник*, *-еч/ник*, *-еш/ник*, *-ин/ник*, *-иш/ник*, *-ор/ник*, *-оч/ник*, *-ош/ник*, *-уш/ник*: *колб-ят/ник*, *овч-ар/ник*, *кедр-ов/ник*, *кров-ав/ник*, *смород-яж/ник*, *молоч-аль/ник* *молок-ан/ник*, *овч-ин/ник*, *смород-иш/ник*, *кон-ев/ник*, *рој-ель/ник*, *горш-ен/ник*, *горш-ет/ник*, *горш-еч/ник*, *горш-еш/ник*, *лос-ин/ник*, *колб-иш/ник*, *кочк-ор/ник*, *мат-оч/ник*, *литов-ош/ник*, *мат-уш/ник*); семифонемные (*-ов/ен/ник*, *-ов/иш/ник*: *горох-ов/ен/ник*, *колб-ов/иш/ник*) формантные варианты суф. *-ник*, выполняющие разнообразные номинативные и экспрессивные функции [7]. Данные формантные варианты выступают в роли единого посткорневого деривационного форманта и вследствие одновременной актуализации непосредственных и опосредствованных словообразовательных мотиваций выделяются полимотивационно как компоненты вариантной внутренней формы слова [8].

Как суперморфные комплексы, формантные варианты обусловлены интерференцией морфемно-словообразовательной структуры дериватов. Взаимодействие морфонологических форм формантов с внутренней формой слова имеет компонентный характер стратификации семантической структуры производных номинаций. Ср. функцию семантической дифференциации однокоренных синонимов: *молоч-ник* 'посуда', *молоч-ан/ник* 'тот, кто покупает и продает молоко', *молоч-ав/ник*, *молочальник*¹ 'молочай', *молоч-аж/ник* 'гриб', *молоч-аль/ник*² 'трава', *молоч-ит/ник* 'тот, кто продает молоко', *молоч-от/ник* '1) тот, кто продает молоко; 2) полотенце, которым вытирают вымя коровы'. Комплексная морфемная структура формантных вариантов, направленная на выражение компонентов номинативного значения дериватов, отражает морфонологический процесс функционирования сложных аффиксов в синхронии [6. С. 21 и след.]. Формантные варианты функционируют как суперморфемы – полиморфные структуры вариантных деривационных форм, грамматикализованных в системе порождения новых средств деривации.

Специализация деривационных значений таких суперморфем протекает за счёт разрушения дублетных форм, характерных для формально избыточного диалектного словообразования. В условиях грамматической и лексической специализации морфонологических процессов возможно усложнение фонемной структуры слова, что показывает роль семантического параметра функционирования суперформантов. Мотивационный параметр оказывается основным для классификации сложных морфемных последовательностей, их выделения в словообразовательной структуре слова в качестве морфемных блоков или суперморфов. Бинарная структура опосредованных мотиваций воздействует на идентификацию вариантной внутренней формы, и при осознании мотивирующей семантики ассоциативной опорой выступает формантный компонент как целое или компонентное образование [6. С. 101–110]. Свободное позиционное распределение алломорфов и фономорфов компенсируется процессами семантической деривации. Отсюда дифференциация вариантных единиц структуры слова, «...когда фонетическое расщепление ассоциируется с психическим расщеплением» [9. С. 325]. Такие суперморфемы, интегрирующие сочетания интерфиксов и/или субморфов и аффиксов [10], выполняют функции суперформантов, специализируются на выражении «новых» деривационных значений и участвуют в организации лексико-словообразовательных отношений. Усиление или нейтрализация значения предыдущих морфов последующими влияет на морфонологическую членимость морфемных блоков и их деривационную продуктивность.

В плане выражения словообразовательной семантики формирование суперморфемных формантных моделей регулируется морфонологическими правилами [11. С. 279–283]. Развивая лексическую функцию, алломорфы маркируют мотивационные значения слова, пропозициональные и номинативные значения в семантической структуре словообразовательных типов. Семантические позиции алломорфов в рамках типов категоризуются в системе морфонологической динамики формантных комплексов, полимотивационных в аспекте функционального распределения по ономазиологическим значениям словообразовательных моделей. В когнитивном значении суперморфемные модели формантов представляют собой схемы морфонологиче-

ской категоризации, направленные на оформление семантических расстояний между морфонологическими вариантами. Моделирование функционально-семантических оппозиций алломорфов внутри типа зависит от величины и глубины семантических расстояний, степени семантической абстракции словообразовательной семантики и морфонологической релевантности алломорфного варьирования. Лексические функции суперморфем одного типа проявляются в функциональном закреплении единиц формантной подсистемы за разными номинативными категориями [6. С. 116–141].

Ономасиологическая специализация формантных вариантов выполняет парадигматическую функцию: морфонологическая динамика суперформантов используется как классификационный механизм типа, таксономический и категориальный параметр его морфонологической формы. Синтагматическая структура суперморфемных формантов отражает этот механизм конструирования словообразовательного значения: таксономический компонент семантики «новой» ономасиологической категории маркируется субморфной, варьирующейся частью форманта, а общее деривационное значение «старой» категории – основным вариантом форманта, постоянным компонентом суперморфемы, показателем словообразовательного типа. Субморфная часть формантных вариантов выполняет поэтому референтную функцию, эксплицируя идиосемы номинативных дериватов (отождествляя классы референтов в границах одной, частично или полностью противопоставленных ономасиологических категорий: *налив-ник* ‘блин или оладья, намазанные сверху сметаной’, *налив-ай/ник* ‘пирог из чёрной муки, политый сверху жидкой начинкой (наливой)’, *налив-аш/ник* ‘ватрушка из пресного или кислого теста с жидкой начинкой’; *мош-ник* ‘1) тот, кто добывает и продаёт мох, 2) тетерев’, *миш-ар/ник* ‘1) утеплённый мхом хлев, 2) болото’; *миш-ан/ник* ‘1) тёплый хлев для скота, 2) кладовая для хранения овощей, зимовки пчёл’). Противопоставляя ономасиологические категории в рамках типа, единицы алломорфного варьирования форманта специализируются на формировании самостоятельных средств морфонологической деривации в зоне системной морфонологической деривационной переходности.

Как объект сопоставительной диалектологии русского языка формантная подсистема русских говоров предстает в качестве динамической морфонологической микросистемы, имеющей ряд отличий от подсистемы производящих.

1. Формантные варианты различаются позиционно, и их место в пределах подсистемы определяется семантической функцией. Продуктивные формантные варианты имеют свои сферы специализации, оформляя различные семантические подтипы в границах словообразовательных типов. Подсистема производящих основ при возможной семантической специализации морфонологического строения направлена в основном на организацию формальной структуры модели, преодоление формальной идиоматичности.

2. Структура формантных вариантов функционально неоднозначна в семантическом плане. Разные её компоненты (постоянный и вариативный) обеспечивают вхождение суперформантов в общую модель словообразования и её семантические подтипы. Переменная часть формантного варианта позволяет дифференцировать синонимы и многозначные слова и является

дополнительным средством системной мотивированности морфемной структуры слова. Морфонологические модели производящих иногда используются в этих целях, однако основное назначение вариантов основ состоит в структурной организации мотивирующих классов слов.

3. Позиционное описание формантных вариантов в системе говора позволяет определить структурные и семантические функции этой подсистемы средств морфологической деривации. В результате определения места каждого варианта в системе говора в соответствии с его функцией проводится сопоставление с единицами других диалектных зон русского языка. В итоге рассмотрение функционирования формантных вариантов на микро- и макродиалектном уровнях даёт общую схему реализации того или иного варианта и приводит к обобщению морфемно-деривационного потенциала вариантных единиц формантной подсистемы русских говоров.

Семантическое функционирование формантной подсистемы не исключает такой же специализации морфонологических средств подсистемы производящих. В этом случае морфонологическая вариантность производящей базы слов одного словообразовательного типа рассматривается в структуре формантной подсистемы как часть средств выражения тех или иных аспектов лексических и деривационных значений.

Приведём фрагмент описания такой специализации, полученный нами в ходе исследования морфонологических моделей производных полисемантов кемеровского говора.

Морфонологическая вариантность производящих основ выступает в качестве средства формальной дифференциации семантических структур производных полисемантов (наряду с формантным алломорфированием, моделями словообразовательной вариативности (словообразовательной синонимии), а также различными редупликационными моделями аффиксального словопроизводства, распространенными в диалектном словообразовании). С данными процессами напрямую соотнесены морфонологические характеристики многозначных дериватов, являющиеся отражением общих тенденций системного функционирования словообразовательных моделей. Словообразовательная синонимия относится при этом к ведущим деривационным явлениям формальной дифференциации семантических структур многозначных дериватов – семантически тождественных однокоренных единиц, оформленных разными словообразовательными морфемами.

В русских диалектах функционирование вариантных словообразовательных структур может отражать не только асимметрию, но и симметрию процессов вариативности в формально-семантической структуре производного слова. С симметрией моделей диалектной вариативности связано функционирование морфонологических моделей полисемии (ср., например, вариативность интерфиксального компонента в структуре словообразовательных синонимов, противопоставленных и в плане своих семантических структур: *бурелом* '1) поваленное в лесу дерево и собир.; 2) сильный ветер', *буролом* '1) то же, что *бурелом* в первом значении; 2) то же, что вальщик (работник на лесозаготовке, лесоруб)').

Тенденция к симметрии вариативных деривационных форм полисемантов отражает особенности функционирования синонимичных словообразова-

тельных типов. Ср. дифференциацию лексико-семантических вариантов за счёт формантных средств синонимичных словообразовательных типов дeverбaтивов с суффиксами *-л(о)* и *-льниц(а)*: *ботало* '1) шест для запугивания рыбы и загона её в рыболовную сеть; 2) рыболовная сеть; 3) болтливый человек'; *бо́тальница* '1) рыболовная сеть; 2) болтливая женщина'. В результате действия грамматической категоризации формальное различие словообразовательных формантов используется для дифференциации семантических структур многозначных дериватов. Ср.: *вертёха* '1) обычно о ребенке: непоседа, егoзa; 2) то же, что ветреник: ветреный, легкомысленный человек'; *вертя́чка* '1) балованный ребенок, шалун; 2) суетливая женщина; 3) то же, что ветреница: женщина легкого поведения'. На когнитивном уровне семантические структуры данных полисемантов хотя и репрезентируют базовые компоненты акционального фрейма «Кто-либо – субъект (ЛСВ 1, 2, 3) – 'быть в движении'», оказываются полностью противопоставленными по набору смысловых репрезентаций, конкретизирующих семантику субъекта действия. В качестве основного средства формальной дифференциации пропозиции на языковом уровне выступает синонимия словообразовательных формантов, точнее – их функциональная семантика в рамках одной ономаσιологической категории характеризующих номинаций.

Многозначные дериваты с синонимичными формантами могут быть противопоставлены и в рамках разных ономаσιологических категорий. Ср. функционирование однокоренных номинаций лиц и артефактов в границах одного классификационного фрейма «Охота»: *зверятник* '1) охотник на промысловых животных; 2) вольера для содержания отловленных животных'; *зверовщик* '1) то же, что зверятник в первом значении; 2) скупщик мяса и шкур'. Используемые в данных полисемантах приёмы формальной дифференциации лексико-семантических вариантов убеждают и в том, что в актах номинативной деривации семантическое функционирование охватывает деривационную форму слова в целом, распространяясь на единицы морфонологической структуры. Формальные оппозиции маркируют семантические структуры полисемии не только благодаря разным словообразовательным формантам, но и посредством их морфонологических вариантов. Алломорфирование формантов, приводящее к появлению суперморфемных структур типа *-ят/ник* и *-ов/щик*, активизирует морфонологические формы дериватов с интерфейсальными элементами (*'at*) и (*ov*) в контактной зоне суффиксальных морфов, которые позиционно выполняют структурно-семантические функции. Сами суперморфемы впоследствии могут выступать в роли самостоятельных формантов.

Морфонологические процессы, направленные на формирование структур производных полисемантов, оцениваются в аспекте формирования иконических деривационных форм, порождаемых с опорой на автономное функционирование морфонологических единиц. В этом смысле морфонологическая структура многозначных производных функционирует как уровень, оказывающий провоцирующее воздействие на динамическое функционирование слова по моделям регулярной полисемии, поскольку сам процесс формальной дифференциации лексико-семантических вариантов пропорционален деривационной продуктивности морфонологических характеристик, или их способ-

ности функционировать в качестве самостоятельных деривационных средств, асимметричных правилам своей морфонологической обусловленности. Следовательно, как уровень формальной дифференциации плана содержания многозначных дериватов морфонологические характеристики полисемантов выполняют функции семантической индексации, маркируя модели стратификации значений.

Функционирование таких проявлений диаграмматического иконизма в сфере словообразования можно объяснить тем, что морфонологические явления обусловлены семантическими отношениями производного знака и именно поэтому они отражают проницаемость основных его уровней внутри деривационной формы, определяя роль морфонологических характеристик в процессе формирования структуры лексического значения. Означающее полисеманта становится важным фактором категоризации картины мира, раскрываемой в тенденциях функционирования мотивационно связанных многозначных номинаций, что отражает ономазиологические функции морфонологических характеристик при формировании словообразовательного значения. Выступая как особый номинативный уровень, морфонологическая структура участвует в выражении информации о внутренней форме слова. Поэтому морфонологическое преобразование обнаруживает обусловленность процессами лексической категоризации. На этом основании алломорфия производящих основ представляет собой в мотивационном аспекте процесс, отвечающий прежде всего за тождество категоризируемых мотивационно связанными лексемами признаков (отсюда их функции структурной индексации, предсказывающей направление производности, и структурная роль самих морфонологических альтернатив, поддерживающих правила образования формальной структуры слова). По нашим данным алломорфирование производящих основ может выступать в семантической функции, поддерживая лексико-семантические оппозиции в системе говора. Это означает, что морфонологические процессы в области производящей основы могут выполнять функции не только структурной, но и семантической индексации – моделирования мотивационных расстояний между лексемами, формально близкими в области своих внутренних форм и, следовательно, мотивирующей семантики. В условиях тождества посткорневой части дериватов семантические структуры полисемантов могут дифференцироваться через морфонологическую форму основной алломорфии, используемой поэтому в функции маркирования семантических сдвигов в области внутренних форм. Отмечаемая вариативность мотивировочных признаков позволяет проводить ономазиологическое описание семантических расстояний, возникающих в диалекте между формально противопоставленными дериватами.

Выражение различных номинативных аспектов мотивирующей семантики основывается на симметрии моделей формальной вариативности производящих баз. В диалектах эта тенденция актуальна даже в случае дериватов низкой степени словообразовательной мотивированности, представленной в нашем материале примерами частичной структурной мотивации. При этом дифференциация семантических структур таких лексем с осознаваемым формантным компонентом (по сути своей демотивированных) осуществляется за счёт формальной модификации лексикализованной внутренней формы, се-

мантизируемой только в аспекте формальной экспрессивности тех противопоставлений в области производящей базы, которые создаются в структуре дериватов морфонологически значимыми фонетическими оппозициями (ср.: *волтырь* ‘наrost, утолщение на стволе дерева’; *волдырь* ‘вздутие на кожном покрове’; *бадик* ‘палка, используемая при ходьбе, костыль’; *ба-тик* ‘ткань’).

Структура дериватов высокой степени словообразовательной мотивированности характеризуется через тип семантической связи значений мотивирующего и мотивированного слова, оформляемой с опорой на продуктивные морфонологические процессы в области производящих баз. С алломорфией производящей основы прежде всего напрямую связано выражение различных номинативных аспектов мотивирующей семантики, значимых для вариативности посткорневой части дериватов. В частности, ведущие типы морфонологической вариантности основы мотивирующего слова направлены на символизацию деривационных историй, что позволяет проводить описание их продуктивности в мотивационном аспекте:

1. Морфонологические структуры дериватов, маркированных основными чередованиями гласных (*автогѣн* ~ *автогѣн-щик*), характеризуются усилением тенденции к асимметрии словообразовательной формы, что приводит, в частности, к омонимии словообразовательных структур. Поэтому реализация вокалических альтернатив не является обязательной, продуктивной (ср.: *автогѣн* ~ *автогѣн-щик*, *автогѣн-щик*), хотя они могут приводить к семантическим расстояниям между структурами дериватов, пограничных со структурами словообразовательной омонимии. Ср.: *бродень* ‘1) рыболовный невод, который волокут по дну водоема; 2) неодобр. о гуляке, бездельнике’; *бредень* ‘1) то же, что бродень в первом значении; 2) во мн. ч. бредни: то же, что болотники, высокие болотные охотничьи сапоги’. Ономаσιологическая модель дифференциации структур таких полисемантов базируется на совмещении черт мотивационной полисемии и омонимии.

2. Регулярность основных альтернатив гласных с морфонологическим нулем основывается, напротив, на их сигнификативной значимости – предотвращении омонимии словообразовательной формы. Ср.: *рожь* – *рж-иц(е)* ‘поле, засеянное рожью’; *рож(а)* – *рож-иц(а)*, *рож(ать)* – *рож-ѣ/иц(а)*; *ржа(ть)* – *ржа-чк(а)*. Закономерна эта тенденция и в случае семантической дифференциации однокоренных дериватов (ср.: *ведро* – *ведѣр-ница* ‘корова’ и *ведро* – *ведѣр-е/ник* ‘шкафчик, полка для ведер’).

3. Морфонологическая маркированность дериватов консонантными альтернативами является средством оформления мотивационно четких дериватом, что компенсирует последствия фузии. Консонантные альтернативы, предсказывая направление отношений словообразовательной производности, обеспечивают минимальную «перегрузку» семиотического кода, направленную на сохранение тождества отсылочной части (ср.: *клубник(а)*, *клубнич-н(ый)* – *клубнич-ник* ‘пирог из клубники’, *клубнич-н-ик* ‘клубничный пирог’). Поэтому, маркируя семиотические признаки мотивирующей основы, консонантные альтернативы являются средством выражения концепта мотивирующего слова, усиливая степень мотивированности производного знака, предсказывая актуализацию идиосем, идентифицируя словообразовательное зна-

чение дериватов. Степень продуктивности консонантных чередований прямо пропорциональна степени фузии: чем менее продуктивен морфонологический вариант основы, тем сильнее семантическая оппозиция между производящей и производной лексемами (ср.: *рук(а)*, *руч-н(ой)* → *руч-(н)ик* 'ручной тормоз', *руш-(н)ик* 'полотенце с вышивкой'). Таким образом, глубина фузионного процесса оказывается симметричной степени словообразовательной мотивированности и семантическим сдвигам в структуре деривата (ср. степень идиоматичности семантики дериватов в последней иллюстрации). Среди консонантных оппозиций необходимо выделить важнейшее средство дифференциации семантических структур полисемантов – оппозицию по твердости – мягкости (ср., например: *брушина* '1) живот; 2) часть одежды, приходящаяся на живот; *брюшина* '1) живот; 2) внутренности животных и человека; иногда – потроха или брюшное сало животных'). С этой оппозицией связана формальная дифференциация структуры значений анализируемых полисемантов по объёму лексико-семантических вариантов, степени их словообразовательной мотивированности, а также репертуару ономаσιологических аспектов мотивирующей семантики.

4. Морфонологическая модель усечения не только элиминирует незначимые компоненты словообразовательной формы, затрудняющие правила морфемного шва, но и «оживляет» структуру дефектно членимых мотивирующих основ (ср.: *картóф/ель* – *картóв-ник*, *картóв-ница*, *морк/óвь* – *морк-уль*, *подбóш/ва* – *подбóш-ник*). Нередко это направление алломорфного варьирования используется в целях дифференциации формальных вариантов слова (ср.: *горшéч-(н)ик* 'тот, кто изготавливает горшки / горшечных дел мастер', *горш(к)-óв/ник* 'тряпка, которой подхватывают горшки').

При продуктивности процессов формального варьирования производящих основ, сопровождающих семантические сдвиги, стремление морфонологической формы к категоризации проявляется во всех случаях усложнения структуры форманта по образцу редупликационных моделей. При морфонологической вариативности форманта конкретизация мотивирующей семантики и её перекатегоризация вполне регулярны, ср.: *коров-ник* '1) тот, кто скупает и продаёт коров; 2) помещение для коров; 3) подосиновик', *коров-ят/ник* '1) тот, кто продаёт коров; 2) шкура коровы'. Семантическое функционирование морфонологических моделей в рамках формантной подсистемы говора связано, таким образом, с реализацией динамических процессов деривации, вследствие которых грамматические и лексические значения передаются с помощью самостоятельных деривационных морфем, через морфонологические модификации производящей основы и/или словообразовательного форманта. В задачи сопоставительной диалектологии входит выделение и описание возможных морфонологических трансформаций формантной подсистемы морфемики, источников вариативности и семантического функционирования, определение морфонологических подтипов и самостоятельных типов формантной подсистемы, характера дистрибуции суперморфемных формантов в основных диалектных зонах русского языка.

Литература

1. Яценецкая М.Н. Семантические вопросы теории словообразования. Томск, 1979. 242 с.
2. Араева Л.А. Словообразовательный тип как семантическая микросистема. Суффиксальные субстантивы (на материале русских говоров). Кемерово, 1994. 223 с.
3. Антипов А.Г. Русская диалектная морфонология: проблемы описания. Кемерово, 1997. 104 с.
4. Шаброва Е.Н. Диалектное корневое гнездо: проблемы и принципы описания. С.-Петербург; Вологда, 2002. 86 с.
5. Антипов А.Г. Русская словообразовательная морфонология в когнитивном освещении // Лингвистика как форма жизни. Вып. 3. М., 2015. С. 10–20.
6. Антипов А.Г. Алломорфное варьирование суффикса в словообразовательном типе (на материале русских говоров). Томск, 2001. 188 с.
7. Антипов А.Г. Суперморфемные форманты и их роль в диалектном словообразовании // Вестн. Кемер. гос. ун-та. 2012. № 3(51). С. 177–180.
8. Антипов А.Г., Катышев П.А. Информативность как свойство единиц словообразования // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии. Томск, 1998. С. 24–25.
9. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 1. 384 с.
10. Красильникова Е.В. О формальной структуре слова // Проблемы структурной лингвистики 1978. М., 1981. С. 149–162.
11. Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика. М., 1977. 314 с.

FORMANT SUBSYSTEM OF DERIVATIONAL MORPHEMICS OF RUSSIAN DIALECTS IN THE MORPHONOLOGICAL ASPECT.

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY, 2015, 5(37), pp. 26–36.

DOI: 10.17223/19986645/37/2

Antipov Alexandr G., Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: sante3@yandex.ru

Keywords: derivational morphemics, dialect morphophonology, formant subsystem, morphonological variability, supermorpheme formant.

The paper solves problems of the morphonological description of the formant subsystem of Russian dialect derivational morphemics and determines the semantic peculiarities of functioning of the Russian formants of a complex morphonological structure as an object of comparative dialectology of the Russian language.

The leading areas of descriptions of morphonological models of Russian dialect formants include the study of syntagmatic and paradigmatic factors of phonological changes in the structure of derivatives at the morphemic boundary phenomena implementation in the position after the root caused by the formal interaction of derivational morphemes and their semantic function.

The tasks of comparative dialectology include selection and description of the possible morphonological transformations of the formant subsystem of morphemics, sources of variability and semantic function; identification of morphonological subtypes and independent types of the formant subsystem and distribution supermorpheme formants in the key Russian dialect areas. As an object of comparative dialectology of the Russian language, Russian dialects formant subsystem is a dynamic morphonological microsystem with a number of differences from the derivational base subsystem.

1. Formant variants differ in position. Their place within the subsystem is determined by their semantic function. Productive formant variants have their own specific areas processing various semantic subtypes within word formation types. The derivational base subsystem with a possible semantic specialization of its morphonological structure is mainly aimed at organizing the formal structure of the model, overcoming formal idiomaticity.

2. The structure of the formant variants is functionally ambiguous in semantic terms. Its various components (constant and variable) provide for the superformant entry into the general model of word formation and its semantic subtypes. The variable part of a formant variant allows differentiating between synonyms and polysemantic words. It is also an additional means of system motivation of the morphemic structure of the word. Morphonological models of derivational bases are sometimes used for this purpose as well, yet their main purpose is the structural organization of the motivating classes of words.

3. The positional description of formant variants in dialects determines the structural and semantic features of this subsystem of morphological derivation means. As a result of determining the place of each variant in the dialect, in accordance with its function, a comparison with other units of Russian dialect areas is made.

4. The study of the functioning of the formant variants at the micro- and macro-dialect levels gives a general scheme of implementation of a variant and leads to generalization of the morphemic-derivational potential of variant units of the Russian dialects formant subsystem.

References

1. Yantsenetskaya, M.N. (1979) *Semanticheskie voprosy teorii slovoobrazovaniya* [Semantic problems in the theory of word formation]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
2. Araeva, L.A. (1994) *Slovoobrazovatel'nyy tip kak semanticheskaya mikrosistema. Suffixal'nye substantivy (na materiale russkikh govorov)* [Word-formation type as a semantic microsystem. Suffixed substantives (based on Russian dialects)]. Philology Dr. Diss. Kemerovo.
3. Antipov, A.G. (1997) *Russkaya dialektnaya morfonologiya: problemy opisaniya* [Russian dialect morphophonology: problems of description]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
4. Shabrova, E.N. (2002) *Dialektnoe kornevoe gnezdo: problemy i printsipy opisaniya* [Shabrova EN Dialectal root word-family: problems and principles of description]. St. Petersburg: SPbGU; Vologda: VGPU.
5. Antipov, A.G. (2015) *Russkaya slovoobrazovatel'naya morfonologiya v kognitivnom osveshchenii* [Russian derivational morphophonology in cognitive linguistics]. In: Katyshev, P.A. (ed.) *Lingvistika kak forma zhizni* [Linguistics as a form of life]. V. 3. Moscow: Lenand.
6. Antipov, A.G. (2001) *Allomorfnoe var'irovanie suffixa v slovoobrazovatel'nom tipe (na materiale russkikh govorov)* [Allomorphic variation of suffix in a word-formation type (based on Russian dialects)]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Antipov, A.G. (2012) Supermorphemic formants and their relevance in dialectal word-formation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 3(51). pp. 177–180. (In Russian).
8. Antipov, A.G. & Katyshev, P.A. (1998) [Informativity as a property of word formation units]. *Aktual'nye problemy derivatologii, motivologii, leksikografii* [Topical issues of word formation, motivology, lexicography]. Proc. of the Conference. Tomsk: Tomsk State University. pp. 24–25. (In Russian).
9. Baudouin de Courtenay, I.A. (1963) *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniyu* [Selected works on general linguistics]. V. 1. Moscow: USSR AS.
10. Krasil'nikova, E.V. (1981) O formal'noy strukture slova [On the formal structure of the word]. In: Grigor'ev, V.P. (ed.) *Problemy strukturnoy lingvistiki 1978* [Problems of structural linguistics 1978]. Moscow: Nauka.
11. Lopatin, V.V. (1977) *Russkaya slovoobrazovatel'naya morfemika: Problemy i printsipy opisaniya* [Russian derivational morphemics: problems and principles of description]. Moscow: Nauka.